

WORLD CLASSICS BOOKS

ЛЕОНИД
АНДРЕЕВ

ЧЁРНЫЕ МАСКИ

Москва
Т8 RUGRAM
2021

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А65

Андреев, Л.

А65 Чёрные маски / Л. Андреев. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 620 с. — (World Classics Books).

ISBN 978-5-521-76783-0

История развития литературы — понятие куда более обширное, чем можно предположить, и куда более сложное, чем может вообразить студент-первокурсник филологического факультета. Неизменно всякий выбор «лучших книг» и «обязательных к прочтению» писателей сопровождается беспощадным отсечением жемчужин мысли от одобренной нормы и «золотого стандарта». За бортом остается множество гениев, признанных и непризнанных, и шедевров мировой литературы. Книги серии «World Classics Books» — попытка расширить устоявшееся в умах понятие классических книг и обязательных для образованного человека авторов, предложив читателю произведения, о которых он либо совсем не слышал, либо знаком очень издавна. Однако представленные в серии труды — в некотором роде веховые этапы на сложном пути развития мировой литературы, без которых трудно составить представления о различных жанрах, литературных школах и целых эпохах развития мировой культуры.

На обложке представлена репродукция картины Джованни Баттиста Тьеполо «Пир Клеопатры», 1747-1750, художественный музей Северной Каролины, Роли.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

ЦАРЬ ГОЛОД.....	5
ДНИ НАШЕЙ ЖИЗНИ.....	109
ЧЕРНЫЕ МАСКИ	199
АНАТЭМА.....	271
АНФИСА	395
«GAUDEAMUS».....	505

ЦАРЬ ГОЛОД

*Представление
в пяти Картинах с Прологом*

Посвящается А.М.А.

СПИСОК ДЕЙСТВУЮЩИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Царь Голод

Смерть

Время

Первый рабочий

Второй рабочий

Третий рабочий

ПРОЛОГ

Царь Голод клянется в своей верности голодным

Ночь.

Верхушка старинной соборной колокольни. Позади ее — ночное городское небо; внизу оно резко окрашено заревом городских уличных огней, вверху постепенно мутнеет, свинцовеет и переходит в черную, нависающую, тяжелую тьму. Там, где небо светло, на фоне его резко и отчетливо, как вырезанные из черного картона, вычерчиваются черные столбы, стропила, колокола и решетки церковной башни. Книзу башня переходит в черные, резкие и немного непонятные силуэты церковных кровель, каких-то труб, похожих на неподвижные человеческие фигуры, которые к чему-то прислушиваются, статуй, заглядывающих вниз. Только кое-где на этом черном кружеве видны отсветы низких городских огней: тускло поблескивают крутые бока колокола, желтеют округлые края колонн; на статуе ангела, бросающегося вниз с распростертыми руками, слабо озарены лицо, грудь и верхушки крыльев.

На площадке колокольни находятся трое: Царь Голод, Смерть и старое Время-Звонарь.

Смерть стоит совершенно неподвижно, лицом сюда, и черный силуэт ее рисуется так: маленькая, круглая головка на длинной шее, довольно широкие четырехугольные плечи; все линии прямые и сухие. Окутана Смерть сплошным черным полупрозрачным покрыва-

лом, облегающим узко; сквозь ткань чувствуется и даже как будто видится скелет. Почти так же неподвижно и только изредка качает головой старое Время. И голова у него большая, с огромной, косматой старческой бородою и волосами; в профиль виден большой строгий нос и нависшие мохнатые брови.

Царь Голод движется беспокойно и страстно, так что трудно составить представление о его фигуре. Заметно только, что он высок и гибок.

Разговаривают Время-Звонарь, Царь Голод и Смерть.

— Ты снова обманешь, Царь Голод. Уже столько раз ты обманывал твоих бедных детей и меня.

— Поверь, старик.

— Как я могу поверить обманщику?

— Поверь еще раз. Только раз еще поверь мне, старик! Я никогда не лгал. Я обманывался сам. Несчастный царь на разрушенном троне, я обманывался сам. Ты знаешь ведь, как хитер, как лжив, как увертлив человек.

И я губил моих бедных детей, их тощими трупами я кормил Смерть...

(Показывает рукою на Смерть.)

Все такая же неподвижная. Смерть перебивает его скрипучим, сухим и очень спокойным голосом: как будто закрипели среди ночи старые, заржавленные, давно не открывавшиеся ворота.

— Да, — но я еще не сыта.

Время. Ты никогда не бываешь сыта. Столько уже съела ты на моих глазах, и все такая же сухая и жадная.